

ISSN 0130-5872

ХИМИЯ И ЖИЗНЬ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

12

1990

Личность невероятного масштаба

Вы прочли воспоминания о Тимофееве-Ресовском. Двадцать берлинских лет и каких! 1925—1945 годы. Для Колюши — так зовет своего друга Цингер — это было время, когда он стал мировой знаменитостью в науке.

Мне же довелось знать Николая Владимировича в другое двадцатилетие его жизни — последнее. Читая Цингера, я больше всего поражался тому, как много общего у Колюши с Н. В., которого я увидел уже на пороге его шестидесятилетия. А ведь после Берлина было прожито еще десять лет, вместивших тюрьму, лагерь, шарашку на атомном объекте. Но человек, оказывается, остался сам собой. Ничто его не поломало...

Цингер вспоминает о пристрастии Колюши изобретать словечки, сочно выражаться. Все сохранилось. В первый же день знакомства, когда я, студент физфака МГУ, приехал на Урал в Миассово на летнюю практику, Н. В. привел меня в свой кабинет. Он указал на стену с фотографиями и изрек: «А тут иконостас. Здесь вся сволочь висит: Гриша Мендель, Фома Морган вкупе с Нильсушкой Бором».

На одном из «миассовских трепов» (тоже выражение Н. В.) химик Блюменфельд был поименован «полем цветов» — так звучит перевод фамилии с немецкого. И на это поле Н. В. созывал народ «науку слушать». Заня-

тия наукой он называл «делом нехитрым, в котором, однако, иногда приходится думать». Не терпел «носок-вырятьельных рассуждений».

Цингер описывает необычную для немцев игру в городки, которую Колюша ввел в обиход в Бухе, ее азарт и Колошины задиристые выкрики. При мне в Миассово Н. В. в городки не играл. Он плохо видел вследствие перенесенной в лагере пеллагры. Зато был судьей в баталиях волейбольных. Он судил не формально, а «по справедливости», иногда даже неправильно засчитывая мяч, если тот, по его мнению, был «в достаточной мере изящен».

Примеры словотворчества Н. В. можно продолжать бесконечно. Много их есть в книге Даниила Гранина «Зубр».

Не будучи ученым, Цингер не рассказывает о научных занятиях своего Колюши. Но по мимолетным его фразам можно судить о близком знакомстве Н. В. с физиками, математиками, биологами, имевшими мировую славу. Помните: «Совсем идиотский вид, а ведь это один из крупнейших физиков мира!». Попасть в их общество и быть на равных — «это вам не жук накавал» — еще одно любимое выражение Н. В.

Олег Цингер не идеализирует своего друга, в его записках не найти умильного преклонения перед героем рассказа — типичный грех воспоминаний. Тем убедительнее факты, сообщаемые как бы проходя: далекий от политики Колюша помог такому-то русскому, спас такого-то еврея, укрыл пленного француза.

Примерно так же, как бы вскользь, пишет Цингер о разговоре с Фомой (тоже прозвище, на самом деле сына Н. В. звали Дмитрий). Фома сообщил Цингеру большую тайну. Это теперь

мы знаем, что Фома был активистом антифашистского подполья, был арестован, пытан и погиб в лагере Маутхаузен. Я никогда не слышал ничего от Н. В. о Фоме. То была его незаживающая рана, и я узнал обо всем лишь много лет спустя.

На людях Н. В. был шумен, подвижен и великолепный рассказчик. Его отличал замечательный педагогический дар. Я застал Н. В. в расцвете этого таланта и знаю случаи, когда человек круто менял свою жизнь, профессию, всего лишь раз побывав на лекции Н. В. Такой результат имел причинной не только блестящую форму и нетривиальные суждения, но главным образом то, что в лекторе ощущалась личность невероятного масштаба. Воспоминания Цингера ценны тем, что в них обозначено становление такой личности.

Стоп. Я написал правильные слова, но мне они чем-то не нравятся. Н. В. никогда не сказал бы так о своем покойном учителе. А как бы он сказал? Ну, например, вот так: «Хорошо упокоился...»

*Профессор
Валерий ИВАНОВ*